

Фото 3

Фото 4

Фото 5

нилось ли бы содержание снимка? При том, что смена «героя», возможно, ничего не изменила бы в изюминке самой фотографии...

Назадавав вопросов и не решившись на окончательный ответ, перейдем к снимку следующему (фото 2), изображающему следы какого-то не то супер-грузовика, не то трактора или экскаватора на песке. Здесь соотношение фона и объекта — амбивалентно. По композиции и по резкости объект, безусловно, — сами следы. А фон —

идущие сзади по колдобинам люди. Но не будь на фоне людей — и сам след потерял бы если не всю, то большую часть своей интересности. Так что все же, возможно, объект — это люди? А след — фон? И вот тут позвольте мне снова обратиться к контексту. Особо интересному потому, что известен он одному мне, автору. Снимок сделан в самом центре Омска, где на привычном людском пути затеяли строить церковь. Не позаботившись проложить какие-нибудь временные, сравнительно удобные, тротуары для народа. Поэтому для меня этот снимок в момент его производства был ярким символом нынешнего хамского, бесчеловечного церковного напора. Но так его воспринимаю я. Так его, возможно, воспримет кто-то из омичей, узнавших место и почувствовавших еще до того ситуацию на собственной шкуре. Для всех же остальных — это просто след и просто люди. Тем не менее снимок держится в портфолио и привлекает внимание зрителей, совершенно к контексту посторонних, — вот, например, выбирается Наризным для «Записки». Не потому ли, что, даже если забыть про церковь, эти могучие следы при сопоставлении с явно некомфортно себя чувствующими, мелкими, лилипутными людьми, все равно это самое хамство, беззащитность от него, — символизируют. И в определенном смысле, увы, — даже эстетизируют?

Если же поговорить о снимке, что называется, чисто фотографически, снова — едва ли не учебно — имеет смысл обратить внимание на сравнительно большую глубину резкости снимка, когда и след, и люди оказываются в равной степени главными (на людей, при их относительной малости, особенно работает красный цвет пальто одной из прохожей!), — и снимок можно (а, возможно, и нужно!) воспринимать как сугубо плоскостной, двумерный, непространственный: где все — объект и все — фон. То есть вместо перспективы, которая всегда — иллюзия! — увидеть плоскость.

И в самом деле: что нам с вами, эстетам, за дело до всяких там социальных проблем? Давайте любоваться снимком как неким гобеленом. Как изысканным орнаментом.

Парк Лозенки (фото 3). Пригород (но в черте) Варшавы. Поблизости от королевского дворца. Глубокая осень. Павлины там ходят по дорожкам совершенно свободно и в немалых количествах.

День был очень пасмурным, потому ни о какой глубине резкости речи быть не могло. Да она бы и не помогла — столь очевиден главный герой снимка. Конечно, чуть-чуть солнышка — и отбитая им фигура «присевшего на скамейку» павлина заиграла бы всеми цветами, теперь совсем приглушенными, — но тогда это был бы совсем другой снимок, и не исключено, куда менее интересный. Ибо в этой классической перспективе, примеры которой мы можем найти и во французской «парковой живописи» начала XVII века, и у отечественных мирискусников, цветовая приглушенность играет едва ли не главную роль.

Применительно же к рассматриваемой теме — фон и объект, — тут, пожалуй, можно сделать только одно замечание: если взять отдельно что павлина, что парковую аллею, — ни то, ни другое не представит ни малейшего интереса для зрителя. Обретают силу они исключительно благодаря своему единству. То есть на этом снимке можно увидеть, какую главную роль иногда может сыграть фон для объекта. Ибо без этого фона он — ничто. Иллюстрация к учебнику по зоологии.

Этот снимок (фото 4), с рельсами и заборными надписями, выбрал я сам. Я выбрал его еще к первой, предыдущей, «Записке», но там просто не поместилось — потому перенес сюда.

Здесь мы, пожалуй, имеем в слитом виде два решения, представленные на двух предыдущих снимках: достаточная глубина резкости для возможности смотреть